

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Алекс Орлов

Подземная война

Алекс Орлов

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Орлов, Алекс.

О-66 Подземная война / Алекс Орлов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Русский фантастический боевик).

ISBN 978-5-699-84845-4

Ну не сидится бывшим вора́м, а ныне почтенным лавочникам из портового города Пронсвилля, Мартину и Рони на одном месте! Все тянет их в дальние края, где можно пожить золотишком и нажать на свою голову приключений. И вот, прихватив неудачливого шорника Ламтака и орка Бурраша, они снова отправились в дальний путь. Выбрали они не самую спокойную дорогу, где пошаливали разбойники, беспощадно убивающие тех, кто отказывался платить им дань. Да вот только четверка отважных путешественников плевала как на разбойников, так и на тайных соглядатаев, пытающихся понять, зачем они покинули родные края. Одного не подозревали друзья, что придется ввязаться им в беспощадную подземную войну...

Завершающая книга цикла «Сокровища наместника».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орлов А., 2016
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84845-4

Налетающий с моря ветер раскручивал парусное колесо, деревянный вал которого скользил по медным муфтам и через кожаный ремень вращал каменный диск, игравший роль маховика.

В небольшом цеху было установлено четыре самоходных иглы, так что силы им требовалось немало: Ламтак брал заказы на ремни и глейки из воловьей кожи — самой крепкой. Не отказывался и от невыделанной, жесткой, как буковый чурбак.

Обувщиков и шорников в городе было с избытком, а летом подтягивались работники из деревень, но шить из сырой кожи никто не брался — работы много, а оплата грошовая.

Ламтаку в то время деваться было некуда, сидеть на шее у Мартина с Рони он не мог. Стал брать в работу самое тяжелое шитье, а также подряды на тяжкое кожемяцкое дело — сила на это у него в руках имелась. Однако город Пронсвилль был дорог для проживания, и грошовые заработки нужду Ламтака ничуть не покрывали. Тогда он и решил смастерить машину, о которой давно задумывался, чтобы работала, как мельница, но только не для помола, а для шорницкого промысла.

И у него получилось, он знал, как выглядит такая машина, поскольку подсмотрел ее у гномов в городе Пяди. Понятно, что пядские гномы никому машину не показывали, но Ламтак нашел способ проникнуть в цех, и од-

ного взгляда ему было достаточно, чтобы во всем разобратся.

Другое дело, что пядские гномы работали на лошадином приводе — у них в мастерской по кругу ходили два мула. Ламтаку же с мулами возиться не хотелось, и он понадеялся на ветер — и, как оказалось, не прогадал.

Теперь он не боялся никакой тяжелой работы и стал брать больше товара на кожемяцкую переработку, а также недорогое шитье из сыромятной кожи. Пошли первые деньги, распространилась молва, и скоро Ламтака пришли бить завистливые конкуренты.

Первый раз он с успехом оборонялся сам, а в другой раз позвал Бурраша, который работал в порту в артели грузчиков. Орк так поколотил половину шорников города, что в третий раз бить Ламтака они так и не собрались.

Наблюдая за воздушным колесом и слушая ход деревянной оси по смазанным рыбьим жиром муфтам, Ламтак услышал, как его позвал работник Пурташка — беспризорный портовый воришка, которого порекомендовал Бурраш.

Поначалу гном опасался, что Пурташка станет воровать, но тот признался, что не может сделать этого, поскольку господин Бурраш дал ему последний шанс, и если он не устоит — господин Бурраш его утопит.

— Хозяин, там к вам пришли! — крикнул Пурташка, высовываясь из люка.

— Сейчас спущусь, — ответил Ламтак, бросая на вертящийся вал короткий взгляд.

— Там вроде как ваши земляки или даже родственники... — добавил Пурташка, когда гном спустился из мельничной башни.

— А вот это не твое дело, беги обратно.

Пурташка убежал в цех, а Ламтак вышел на воздух, где его дожидался гость.

Уж лучше бы никто не дожидался, потому что это был не просто гном, а господин Дунлап, видеть которого

Ламтаку совсем не хотелось. Однако он не подал виду и, широко улыбнувшись, шагнул навстречу гостю и первым подал руку, чтобы обменяться рукопожатиями.

— Здравствуйте, господин Дунлап, очень рад вас видеть!..

— И я очень рад, что наконец нашел тебя, славный Ламтак, — ответил Дунлап, скрывая злую ухмылку. Он прекрасно понимал, что Ламтак ему вовсе не рад.

— Проходите в мою конторку, господин Дунлап. Угощу вас шербетом.

— О, ты помнишь, что я люблю шербет, — улыбнулся Дунлап, потом поднял голову и посмотрел на парусное колесо.

— Недурно, недурно придумано, — произнес он и прошел в конторку.

Ламтак зашел следом и, прикрыв дверь, направился к шкафу, в котором хранил шербет и засахаренные фрукты. Сложив угощение на серебряное блюдо, он поставил его на стол перед гостем и, приняв у него бархатную шапочку, положил ее на комод.

— Странно, что ты не подаешь мне горячую воду, как принято у паркинов. Полагаю, за столько времени ты перенял многие их обычаи, — издалека начал Дунлап, пробуя шербет и прислушиваясь к тарахтению иголок.

— Я подаю ее только паркинам, господин Дунлап.

— Вижу, ты преуспеваешь, Ламтак.

— Не будут отрицать, господин Дунлап.

— Сколько у тебя работников?

— Четверо.

— Это хорошо, — кивнул гость, переходя от шербета к засахаренным фруктам. — Я также слышал, что у тебя среди паркинов есть друзья.

— Это верно, господин Дунлап, — ответил Ламтак, стараясь выглядеть невозмутимо, хотя эта беседа была похожа на допрос.

— И даже орки, я слышал, у тебя в чести?

— Мы вместе воевали, господин Дунлап.

— Да, я помню, как ты сбежал от господина Таигли, чтобы стать солдатом.

— Я не сбежал, господин Дунлап. Господин Таигли погиб, и больше некому было учить меня.

— Господин Таигли погиб, но жив его сын.

— Когда я ушел из Дома Ювелиров, новый господин Таигли был еще младенцем, — напомнил Ламтак, оглаживая бороду, чтобы скрыть волнение.

— У тебя есть еще какие-нибудь сладости, Ламтак? Может быть, мед или конфеты?

— И мед, и конфеты, господин Дунлап, — ответил Ламтак, вставая.

— Давай конфеты, Ламтак. Как по мне, так паркины не так уж и бестолковы, если сумели изобрести такое лакомство.

Пока хозяин раскладывал перед гостем новые угощения, тот прислушивался к доносившемуся из цеха шуму.

— Хорошо твои работники трудятся, иголки все время стучат.

— Я долго учил их, господин Дунлап.

— Паркинов учи не учи, лучше гномов они мастера-выми не станут.

— Да, господин Дунлап.

— Конфеты! — радостно произнес гость, пододвигая к себе очередное угощение.

— Кушайте на здоровье. Если хотите, я дам вам с собой целую корзинку.

— Конечно, Ламтак, конечно, — кивал гость, и сахарная пудра сыпалась на его длинную бороду, значительно более длинную, чем у Ламтака, который, пожив среди людей, стал ее немного укорачивать. Так было удобнее.

— Одного я не понимаю, — сказал гость, делая перерыв. — Почему ты не используешь мулов, как все добропорядочные гномы? Я был в Пяди, так вот тамошние мастера крутят эту штуку двумя мулами. Вот это я пони-

маю, серьезная работа, а твое колесо с парусами похоже на какое-то баловство, как у мальчишек с воздушными змеями.

— Немного похоже, господин Дунлап, — согласился Ламтак, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

2

Ламтак понимал, что господин Дунлап, главный поверенный в делах его бывшего благодетеля — господина Таигли, решил напомнить ему о старых обязательствах и о претензиях, которые Ювелирный Дом мог ему предъявить. Но, как это бывало у гномов, разговор не сразу переходил к делу, и поначалу беседа касалась только отвлеченных тем, пока партнеры приглядывались друг к другу, выбирая подходящий момент для атаки.

— Ты должен был отработать у господина Таигли пятнадцать лет.

— Да, господин Дунлап, это так.

— А ты отработал только три, а потом сбежал.

— Я ушел с пепелища, господин Дунлап.

— Ты производишь из худого рода, Ламтак, — не слушая объяснений, продолжал Дунлап, не забывая есть конфеты одну за другой. — Тебе предстояло работать на рудниках, поднимать уголь или, если повезет, сажать в долине лук и репу. Я прав?

— Вы правы, господин Дунлап.

— И тогда тебе в голову пришла мысль пойти к господину Таигли и попроситься в Ювелирный Дом.

— Да, это так, господин Дунлап.

— Вот эти желтенькие мне нравятся больше, у тебя нет еще таких?

— Я посмотрю, господин Дунлап.

Ламтак поднялся и стал искать в буфете, а гость прервал свою речь, снова прислушиваясь к частому стуку иглолок.

По всему выходило, что шили воловью упряжь, и за то время, пока они тут говорили, работники сделали Ламтаку три монеты медью. А может, и все пять.

Ламтак насыпал на блюдо еще желтых конфет, и Дунлап продолжил речь:

— Господин Таигли снизошел до тебя, выроodka из худого рода, и позволил учиться на ювелира, за что ты потом должен был отработать пятнадцать лет.

— Вы уже говорили сегодня об этом, господин Дунлап, — не удержался Ламтак.

— О, да ты стал дерзок, Ламтак! Это следствие твоего общения с паркингами!..

— Господин Дунлап, переходите к делу. Я давно не с Ювелирным Домом, однако понимаю, что остался должен. Я могу шить обувь и упряжь, но мои руки уже плохо помнят, что такое резец, а пальцы не различат граней камня.

— Ну хорошо, видно, среди паркинов так принято — сразу быка за рога.

Дунлап отряхнул с рук сахар и огладил бороду.

— Ладно, не волнуйся, Ламтак, тебе не придется шить сто возов башмаков и седел для покрытия долга перед господином Таигли. Достаточно будет сделать то, что ты делаешь лучше всего.

— И что же, господин Дунлап?

— Драться.

— Но с кем?

— У Дома Ювелиров появилась проблема — Дом Литейщиков.

— Дом Литейщиков? Никогда не слышал о таком доме, — покачал головой Ламтак.

— Он появился лет семь назад, и совсем никакие они не литейщики, они катают медь.

— Но почему называются литейщиками?

— Это уже не так важно, — отмахнулся Дунлап. — За то время, что ты находился на войне и среди паркинов,

цеха сильно изменились. Обычаи стали забываться, традиции стираться, и все перепуталось.

Дунлап вздохнул.

— Дом Литейщиков захватил две пустоши и два луга, которые принадлежали Дому Ювелиров.

— Пустоши — это где отвалы ядовитых руд?

— Да, они самые.

— Но на них же ничего не растет.

— Не растет. Но между ними два больших луга, на которых так растет презамечательный клевер, который Дом Ювелиров продавал крестьянам-паркинам за хорошие деньги.

— Но при чем здесь клевер? Почему сеном теперь занимается Ювелирный Дом?

Дунлап развел руками и покачал головой.

— Ты меня слушаешь, Ламтак, или я просто тут сотрясаю воздух? Гномы сейчас не хуже паркинов понимают, что нужно работать по разным ремеслам. Если не идет торговля льном, продавай уголь, если не пошел уголь, сей пшеницу, и так далее. Эти луга были выкуплены еще у пришлых орков во времена Большого дыма. А теперь пришли эти литейщики и сказали — тут были наши земли, и мы восстановим права.

— Но у Ювелирного Дома должна быть охрана.

— И должна, и есть. Но их всего полсотни, и они вооружены дубинками с шипами. А эти выставили наемных разбойников-паркинов. Здоровенных, как орки.

— Но есть же шерифы, какая-то королевская власть.

— Нет там власти. А шерифы боятся соваться, разбойники их и так на дух не переносят. Мы закликали одного такого шерифа, и знаешь, Ламтак, что он нам сказал?

— Что?

— Он сказал, я в ваши дела влезать не собираюсь. Разбирайтесь сами.

— У нас в пригороде другие шерифы.

— Ай, — махнул рукой Дунлап. — Все они одинаковые, эти паркины. Мы ему сказали: ты же должен поддерживать порядок ради короля, а он нам сказал, что если будет мятеж против короля, тогда он вмешается. Вот и весь шериф.

— Итак, господин Дунлап, куда и когда я должен приехать?

— Приезжать нужно в Фарнель, и чем быстрее, тем лучше.

— Но ведь Ювелирный Дом...

— Да, Ювелирный Дом находится в долине, но вся эта банда кормится в Фарнеле, у их предводителя там главная ставка.

— Фарнель, — произнес Ламтак и задумчиво почесал бороду. — Это на границе с Инглиндией.

— Да, а что тебя тревожит?

— Ничего, господин Дунлап.

— Так мы можем ожидать от тебя благородного поступка?

— Я должен дому, господин Дунлап.

— Я был против, но господин Таигли настоял, чтобы тебе заплатили. И тебе, и всем, кто придет с тобой. По двадцать серебряных терций.

Было видно, что Дунлап категорически не согласен с такой расточительностью молодого господина.

— И еще, если все пойдет хорошо, вам заплатят по пять терций золотом сверху.

— Что ж, это упрощает дело, господин Дунлап. И, кстати, как вы меня нашли?

— Мир гномов тесен, — усмехнулся Дунлап и потянулся за еще одной конфетой, однако передумал. — У тебя же имеется вклад в банке Толефсона.

— Это небольшой вклад, и не думаю, что Толефсон...

— Нет, он не открыл твоей суммы. Он себе не враг. Но то, что у тебя есть золото, говорит о том, что ты в порядке и не растерял весь разум на этой своей войне.

— У меня совсем небольшая сумма, я вложилась во все это, — сказал Ламтак, указывая на стены мастерской. Он был возмущен, поскольку ни одному гному не нравилось, когда кто-то считал его деньги. Тем более другой гном.

— Он лишь сказал, что ты в городе.

— И все?

— И что ты водишь дружбу с другими бандитами. Поначалу я думал, что вы грабите на дорогах или что-то в этом роде, но он назвал имя рыбодобытчика Овцера, на которого вы работали, и тогда я понял, что ты и твоя банда...

— Мы не банда, господин Дунлап.

— Это не имеет значения. Главное, что ты знаешь, как отвадить этих захватчиков из Дома Литейщиков, в этом все дело.

3

Через пять минут они уже стояли на свежем воздухе перед крыльцом и смотрели с возвышенности на весь город и море позади портовых построек.

— Хорошее место ты выбрал, Ламтак. И от города недалеко, и место такое, что ничего не построишь, — стало быть, земля недорого досталась.

В каждом слове незваного гостя звучала неприкрытая зависть.

— Здесь была помойка, господин Дунлап. Я вот этими руками перетаскивал мусор на телеги и вывозил в овраги.

— Я и говорю — земля досталась даром.

Очередной порыв ветра заставил парусное колесо закрутиться быстрее и шумнее. Дунлап поднял голову, придерживая шапочку, чтобы не спала, и, покачав головой, повторил:

— Баловство это у тебя, а не мастерская. Нужно мулов ставить. Двух. А лучше трех.

— Я подумаю об этом, господин Дунлап, — сказал Ламтак, протягивая корзинку с конфетами.

— А, конфеты! Чуть не забыл!..

«Как же, забудешь ты», — подумал Ламтак, с нетерпением ожидая, когда этот кровопийца уберется.

— Да, и еще я хотел у тебя спросить. Ведь ты имел какие-то дела с Минейскими братьями, да?

— Я не знаю никаких братьев, господина Дунлап, — ответил Ламтак, подумав, что этот гость лезет совсем уже не в свои дела.

— Ну как же — Тинлуб и Ламтотул.

— Господин Тинлуб погиб.

— А золото? — неожиданно спросил Дунлап, приближая к Ламтаку горящие алчностью глаза.

— Какое золото?

— Которое ты должен был охранять, Ламтак. А получилось так, что хозяин Тинлуб исчез, а золотишко тютю.

— Мы не везли золотишко. Мы везли другое, — стараясь не терять самообладания, ответил Ламтак.

— А что другое? Слитки? Бриллианты? Путь от Лисабона не короткий, могли чего-то и растерять, правда?

Наткнувшись на презрительное выражение в прищуренных глазах Ламтака, Дунлап опомнился и заулыбался.

— Я пошутил, дорогой Ламтак. Ждем тебя к нам для помощи, и давай не затягивай. Долг платежом красен.

Сказав это, Дунлап зашагал прочь, помахивая дареной корзинкой с конфетами. Ламтак смотрел ему вслед, пока тот не свернул за угол угольного сарая, а затем вернулся в мастерскую и, зайдя в конторку, отпер кладовую, в которую давно не заглядывал.

Открыл крашенный ящик и взял с белой соломы свой меч. Вытянул его из ножен и посмотрел на свет. Меч был в порядке. Ламтак убрал его и взялся осматривать кольчуги, ремни, шлем и маленький щит, а также прочую более мелкую оснастку.

Сколько раз Ламтаку казалось, что с военными подвигами уже закончено и теперь он будет заниматься только мирным трудом, однако жизнь складывалась иначе.

Гном вздохнул и сложил свою амуницию обратно. Закрыл ящик, запер кладовую и пошел в цех, где не прекращали звенеть снующие туда-сюда толстые швейные иглы английской выработки. Каждая стоила по двенадцать терций серебром.

Ламтак подошел к Раулю, самому старому и опытному работнику. Раньше Рауль сам был шорником, но роторился и теперь работал на других. Однако у Ламтака он не скучал, работы было много и заработки куда выше, чем у других хозяев.

Постояв немного, наблюдая, как ловко работает Рауль, Ламтак тронул его за локоть.

Рауль прервался и поднял рычагом приводное колесо, чтобы попросту не крутилось. Иголка сразу остановилась, и в ней замерла простежная нить.

— Что случилось, хозяин? — спросил Рауль, сразу замечая перемены в настроении Ламтака.

— Ничего, Рауль. Я пойду в порт к Буррашу, буду часа через два. Что делать, знаешь?

— Да, пока работа имеется, — кивнул Рауль.

— Ну и ладно. Я пойду.

4

Спускаясь по дощатым мосткам к портовым причалам, Ламтак издали заметил Бурраша, который сидел на краю пристани и как будто отдыхал, притом что его ватага вовсю трудилась, разгружая тюки со льном из сдвоенного ромейского судна. Работы там было на полтора дня, не меньше, однако Бурраш почему-то ничего не делал.

У следующего причала трудилась другая ватага, а чуть дальше еще две, и всем хватало работы, притом что